

М. М. САФОНОВ, Э. Н. ФИЛИПОВА

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОКУМЕНТ ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ НАЧАЛА XIX в.

В архиве Комитета 6 декабря 1826 г., среди бумаг, которые были найдены в кабинете Александра I после его смерти, сохранилась обширная рукопись без заглавия, даты и подписи. Документ заключает в себе программу социально-экономических и политических преобразований и в силу этого не может не привлечь к себе внимания исследователей.

Составители описи бумаг Комитета называли это сочинение неизвестного автора «Запиской о том, что всего более заслуживает внимания Государственного совета».¹ Сам же автор в тексте документа именует его иначе: «Мнение мое касательно внутреннего положения любезного Отечества нашего». Рукопись написана на белом, писцовым почерком, на бумаге с филигранями 1806 г., на левой стороне листа. В ряде мест имеются незначительные добавления, сделанные другой рукой (л. 21, 60 об., 70 об.). Текст содержит целый ряд сведений, которые дают возможность установить его автора и датировать этот документ.

В одном месте своей записки автор упоминает о «недавнем примере набора милиции» (69 об.), в другом замечает, что «полезность запасных хлебных магазинов в прошлом году (разрядка наша, — М. С., Э. Ф.) оказалась во многих местах отвращением бедствий голода» (л. 55), в третьем сетует на «возвышение цены серебряной монеты против ассигнационной более чем вдвое» (л. 59—59 об.). Манифест о составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции был издан 30 ноября 1806 г.,² а существование земского войска было прекращено 27 сентября 1807 г.³ Запасные магазины предотвратили угрозу голода в 1807 г. в С.-Петербургской губ.⁴ Курс серебря-

¹ ЦГИА СССР, ф. 1167, оп. 4, ч. XVI, № 18, л. 1—81 (далее все ссылки на этот документ даются в тексте).

² ПСЗ I, № 22374.

³ ПСЗ I, № 22634.

⁴ Отчет министра внутренних дел за 1807 г. — ЦГИА СССР, ф. 1162, оп. 9, № 4, л. 10 об.—11.

ного рубля поднялся до 2 р. $\frac{1}{2}$ к. в июне 1808 г., тогда как еще в мае он равнялся 1 р. 98 к., а к декабрю вновь опустился до 1 р. 78 к.⁵ Таким образом, документ можно датировать примерно второй половиной 1808 г.

Автор непосредственно обращается к Государственному совету, а себя называет «членом сего словутого сословия» (л. 1 об.), ссылается на «Наказ» ему и даже цитирует, правда, не вполне точно, этот документ (л. 13). «Наказ Совету»⁶ был дан 5 апреля 1801 г. и сохранял силу до 31 декабря 1809 г., когда это учреждение прекратило свое существование.⁷ Следовательно, мнение написано членом так называемого Непременного совета,⁸ высшего законосовещательного органа России первого десятилетия XIX в. Автор документа — человек преклонного возраста. О себе он пишет, что его «тело измождено старостью, дряхлостью и болезнями», что он «приближается к концу жизни», напрягает «ослабшие силы», а свое выступление называет «может быть, уж последним подвигом... усердия, любви к государю и Отечеству» (11 об.—12). Автор упоминает о своей близости к Павлу I и ссылается на слова императора, некогда к нему обращенные (10 об.—11). В архаичном языке документа нетрудно распознать автора XVIII столетия — настолько чужды ему складывавшиеся в этот период литературные нормы XIX в. В его сочинении постоянно встречаются такие слова, как «недренность», «поместность», «отложность», «помещество», «корыстование», «делоотправление» (л. 7, 11, 41, 6, 49 об., 23, 29, 44 об., 34 об., 5), и, наконец, излюбленные, многократно повторяемые и, по всей видимости, ему одному свойственные выражения «твердь государственная», «твердь отечественного основания» (3 об., 6, 8—8 об., 9 об., 14 об., 20 об., 22 об., 35 об., 60 об.), которыми он, очевидно, обозначал всю феодально-крепостническую систему.

В архиве Государственного совета, в приложениях к журналам этого учреждения за 1808 г., хранятся 9 мнений, стилистика которых очень близка к разбираемому сочинению, да и тематика их перекликается с «Мнением касательно внутреннего положения любезного Отечества».⁹ Они написаны писцом, а подписаны рукой автора. Сопоставляя подписи на этих документах с теми пометками, которые содержатся на рукописи интересующего нас

⁵ Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869, т. III, Приложение, с. 5.

⁶ Наказ Совету. — В кн.: Архив Государственного совета. СПб., 1878, т. III (далее: АГС), ч. I, стб. XIX—XXIV.

⁷ ИСЗ I, № 24064.

⁸ О подлинном названии этого учреждения см.: Сафонов М. М. Из истории образования Непременного совета. — В кн.: Социально-политическая история СССР. М.; Л., 1974, ч. 1, с. 150—152.

⁹ Журналы Государственного совета 30 декабря 1807 г., 20 января, 10 февраля, 17 февраля, 9 марта, 24 февраля и 16 марта, 27 июля, 17 августа, 21 сентября, 19 октября 1808 г. (АГС, ч. I, стб. 821—822, 216—218; ч. II, стб. 1116; ч. I, стб. 257—258, 327, 747—752, 402—403; ч. II, стб. 462—463, 117; ЦГИА СССР, ф. 1146, № 29, л. 5—5 об., 46—47 об., 69—70 об., 207—219 об., 226—227 об., 233, 277—280 об., 295, 303.

сочинения, нетрудно убедиться, что они сделаны одним и тем же лицом — М. М. Философовым.

Генерал от инфантерии М. М. Философов, дипломат, администратор, педагог и переводчик,¹⁰ был назначен в Государственный совет 15 января 1808 г.,¹¹ когда ему уже было за 75 лет. С 9 ноября он перестал посещать заседания Совета из-за расстроенного здоровья,¹² а в 1811 г. скончался. Павел I был знаком с М. М. Философовым, будучи еще ребенком,¹³ и сохранил на всю жизнь уважение к нему.¹⁴ Таким образом, биографические сведения об авторе рукописи, содержащиеся в ее тексте, вполне соответствуют данным биографии М. М. Философова.

Среди бумаг, найденных в кабинете Александра I после его смерти, сохранились также шесть «всеподданнейших» записок и писем, собственноручно написанных М. М. Философовым.¹⁵ Первые три из них (1803—1804 гг.) посвящены анализу внутреннего положения России, ее исторического прошлого и задачам будущего преобразования.¹⁶ Одна черновая записка, не ранее июня 1807 г., содержит размышления М. М. Философова о значении для России Тильзитского мира.¹⁷ Кроме того, среди бумаг находятся 2 всеподданнейших письма М. М. Философова: о должности генерал-аудитора (от 28 апреля 1804 г.) и по прошению майорши Арбузовой, хлопотавшей о помиловании брата, сосланного при Павле I в Сибирь за лихоимство (от 28 июля 1804 г.).¹⁸ Три первые записки, переданные в руки Александра, послужили отправным пунктом в работе М. М. Философова над «Мнением касательно внутреннего положения любезного Отечества», предназначенным для обсуждения Государственного совета. В отличие от собственноручных всеподданнейших записок М. М. Философова оно переписано писцовым почерком, который встречается в других документах этого органа. Этой же рукой, как уже было сказано, написаны и 9 «особых мнений» М. М. Философова, приложенных к журналам за 1808 г. Почерк этот, как нам представляется, принадлежит протоколисту Государственного совета П. Зимайлову.¹⁹

В журналах Совета нет сведений о том, что его члены рас-

¹⁰ См. о М. М. Философове: Русский биографический словарь. Фабер—Цявловский. СПб., 1901, с. 130—131.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1161, оп. 1, № 1, л. 61.

¹² Там же, ф. 1146, оп. 1, № 29.

¹³ [Порошин С. А.]. Записки, служащие к истории е. п. в. благоверного государя цесаревича вел. кн. Павла Петровича. СПб., 1881 (далее: Записки Порошина), стб. 187 и др.

¹⁴ Шильдер Н. К. Император Павел Первый. СПб., 1903, с. 355; см. также: Объявление генерала Михайлы Философова. — Русская старина, 1882, № 11, с. 351.

¹⁵ Разные бумаги генерала Философова (ЦГИА СССР, ф. 1167, оп. 1, ч. XVI, № 130, л. 1—46 об.).

¹⁶ Там же, л. 2—9, 11—25 об., 27—35 об.

¹⁷ Там же, л. 39—43 об.

¹⁸ Там же, л. 37—37 об., 45—46 об.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1147, № 276, л. 153.

сма тривали записку М. М. Философова. Но это еще не означает, что она не обсуждалась там. Журналы Государственного совета, как известно, содержат сведения лишь о тех предметах, которые были одобрены большинством, дела же, не собравшие большинства голосов, оставались без движения и в журналах не отражались.²⁰ Либо М. М. Философов не внес своего «Мнения» на обсуждение Государственного совета, как он предполагал сделать это, либо оно не получило там поддержки. Как бы то ни было, в конечном итоге оно попало в руки Александра I. Содержание этого документа было следующим.

В начале записки М. М. Философов изложил мотивы своего выступления и общий взгляд на предполагаемые преобразования. Автор сообщал, что главным его намерением является «укрепление коренных оснований отечественной тверди». Это, по его мнению, совпадало со стремлениями Александра, который учреждением Государственного совета и предоставлением свободы мнений его членам обнажил «истинное основание тверди... государственной». Под «твердостью государственного основания» М. М. Философов подразумевал некое патриархальное единение царя и его подданных, которые подчинены ему «не в рабском унижении, а в надлежащей единосложности с его верховностью». В этом единении монарх и все остальные члены общества должны оставаться «в пределах своего звания и зависимости от целого». В таком единстве всех частей «предлежащее перед богом» государство объявлялось М. М. Философовым идеальным по своему устройству. «Целость» его, с точки зрения автора, не должна нарушаться «никакими случающимися внутри отечества преступлениями и злоупотреблениями, ниже извне происходящими обстоятельствами тяготительными и политическими соображениями». М. М. Философов категорически против каких-либо заимствований с чужеземных образцов преобразования государственного устройства, в том числе и против сторонников западноевропейских теорий (возможно, и М. М. Сперанского), так как они, по его мнению, идут вразрез с исторически сложившимися основами русской государственности (л. 7 об.—8).

Для выполнения поставленной задачи М. М. Философов считал необходимым обозреть «весь состав государственный», однако не решился приступить к этому без особого разрешения монарха (л. 12, 12 об., 79—81) и предложил рассмотреть только «весьма нужные и важные предметы». Программа М. М. Философова, изложенная в «Мнении», состояла из 9 пунктов. Автор дал им следующие названия: 1) «О соединении всех частей государства воедино нераздельно к единому самодержцу государю»; 2) «О временных поборах с крестьян и мещан и о пресечении неурядицы в хозяйстве Отечества нашего»; 3) «О положении в России крестьянского быта по тверди отечественной и о неразлучном

²⁰ См. подробно: Сафонов М. М., Филиппова Э. Н. Журналы Непременного совета. — Вспом. ист. дисциплины, 1979, т. XI, с. 152—155.

с тем снабжении его земляными владениями»; 4) «О рекрутском наборе»; 5) «О хлебе и соли»; 6) «О государственных приходах и расходах»; 7) «О смешении званий вложностью одного в другого принадлежность с представлением по сему отечественной тверди»; 8) «Об устройстве государственных сухопутных, морских и внутренних штатных военных сил»; 9) «Об иноверных и иноязычных России подданных».

В 1-м пункте своей программы М. М. Философов предложил членам Государственного совета вначале рассмотреть, «не вкрались ли какие-либо положения... которые... расторгают связи между составными частями государственного тела... или выводят граждан из того соединения, на коем покоится твердость самодержавной власти», а затем установить «непременные правила», нечто вроде основных законов, которые предохранили бы государство от каких-либо изменений в будущем. Что же должны были представлять собой эти «непременные правила», призванные увековечить режим Российской империи?

Во 2-м пункте программы М. М. Философов провозгласил, что основополагающий принцип всей правительственной деятельности должен состоять в том, чтобы обеспечить гарантии собственности российских граждан. В 6-м пункте М. М. Философов предложил упорядочить налоговую политику и создать твердый бюджет страны. Для этого автор полагал издашем постоянных правил пресечь осуществляемые «по указам правительства, определениям дворянских собраний и других мест и властей» поборы деньгами и другими повинностями под предлогом сбора на общественные нужды. На случай же чрезвычайных налогов М. М. Философов считал необходимым издать постоянное Положение, причем признавал за лучшее даже прибавку подушного оклада, чем «растраивающие хозяйственные расположения» граждан временные налоги. В проекте предлагалось при всякой дополнительной накладке поборами изыскивать способы к предоставлению определенных привилегий для налогоплательщиков, без чего, по мнению автора, не могло быть «правого налога» (л. 15—19 об.).

Этими мерами М. М. Философов не исчерпывал гарантии собственности российских граждан. Последняя, по его мнению, не только не должна быть подвержена временным налогам, но и не должна никем и никогда нарушаться. Поэтому в 3-м пункте своей программы М. М. Философов изложил конкретные меры к «вящему избытку в состоянии крестьян». Как по объему, который занимает третий пункт в сочинении, так и по значению, какое придавал ему автор, вопрос этот являлся центральным во всей программе.

Для М. М. Философова «крестьянин есть коренной гражданин Отечества», «преподаватель... всеобщего избытка государственного». Именно в крестьянском сословии автор видел «основание отечественной тверди». В рассуждениях о месте крестьянина в феодально-крепостническом обществе М. М. Философов обосновал свою главную мысль: «Владение земли и паче всех других

ему имеет принадлежать, яко необходимое и свойственное его состоянию». М. М. Философов считал, что наделение крестьянства землей может и должно сочетаться с сохранением крепостного права как такового, при котором помещик является собственником своей земли и крестьян. Соединением крепостничества и самодержавия, заявлял он, «утверждается монархическая власть государя яко самодержца». Провозгласив нерушимость крепостного права, М. М. Философов тем не менее предлагал внести в него ряд существенных изменений.

Прежде всего он считал необходимым отдать крестьянам незаселенные и пустопорожние земли, причем занять такой участок мог каждый крестьянин по собственному выбору, безвозмездно, при соблюдении принципа добровольности. В собственность эта земля должна была закрепляться лишь после заселения и обработки, чтобы никто не мог получить более, нежели мог обработать.

М. М. Философов предложил также восстановить села и усадьбы в экономических и удельных землях, чтобы привлечь к земледельческому труду как можно больше населения.

Однако эти меры автор проекта считал явно недостаточными для решения проблемы и далее предложил грандиозную меру — осуществить передел всей помещичьей земли пропорционально числу крепостных крестьян. М. М. Философов полагал, что в распределении земли между помещиками существует несообразность. «Каждый помещик... владеет землею по крепостям, но сии владения так перемешаны, так несообразны с порядком устроения правого к истинному благоденствию, что часто вместо общей пользы и благосостояния приносят вред вообще государству». Эта несообразность в распределении земель, по его мнению, являлась источником резких столкновений между помещиками и губительно отражалась на положении крестьян. Осуществить свой проект М. М. Философов предлагал, по его словам, «удобным и нетрудным способом». Сначала необходимо было избрать в губерниях чиновников, поручить им составить описание земель по уездам и приходам и определить, сколько какому селению необходимо земли и угодий. Затем, «не принимая во внимание настоящих владельцев земель», нужно было распределить эти земли между крестьянами, запретив помещикам покушаться на них. Помещики сохраняли за собой право собственности на землю и на крестьян, могли продавать участки друг другу, но продажа земель без крестьян и крестьян без земли должна была быть запрещена. Запрещалось и дробление земель и угодий при продаже. При недостатке земли предлагалось выделять ее из других местностей. Излишки земель оставались у помещика и могли использоваться под участки соответственно приросту населения. На них же могли быть переселены крестьяне из малоземельных областей. Земельные излишки предлагалось обрабатывать наемными рабочими или отдавать в наем, но ни в коем случае не возделывать руками крестьян данного помещика. Такое положение, предложенное М. М. Философовым, предполагало некоторую регламентацию

крестьянских повинностей и, следовательно, определенное ограничение труда крепостных крестьян.

Для возмещения ущерба помещики, передавшие часть своей земли крестьянам, получали государственные земли из числа тех, которые подлежали заселению. Меру земли, полагающуюся на ревизскую душу, должны были определить дворянские собрания.

При таком распределении земель, считал автор, станут ненужными и бесполезными вольные хлебопашцы, «расторгающие... единительную связь звания крестьян с дворянством и помеществом» (л. 20—45).

В 4-м пункте М. М. Философов изложил свои мысли о реорганизации рекрутских наборов. Он предлагал право назначения в рекруты и представления к набору изъять у городской и помещичьей власти и оставить его только за императором, так как считал, что в государстве «все состояния граждан определяются и утверждаются властью самодержца». В основу Положения о рекрутском наборе необходимо положить набор крестьян и мещан не по числу ревизских душ, а по числу членов семьи. Семейства с одним или двумя работниками мужского пола освобождались от рекрутчины, а рекруты набирались из многодетных семей, причем право определения в отдачу в рекруты в семье предоставлялось главе семейства.

Право же определения годности к службе предлагалось дать не только помещикам, но и государственным чиновникам. Продажу и покупку рекрут предполагалось отменить, разрешив добровольный наем из вольных людей. Кроме того, по мнению автора, необходимо было издать Положение во изменение «безместного» положения отставных солдат (л. 45—54).

В 8-м пункте своей программы М. М. Философов коснулся устройства сухопутных и морских военных сил. Он предложил твердо установить количество войск, необходимых во время войны и в мирных условиях, и указал на необходимость сделать содержание армии и флота менее обременительным для податных условий (л. 68—70 об.).

Улучшению снабжения населения России «главными жизненными потребностями» — хлебом и солью — должны были послужить предложенные М. М. Филосовым в 5-м пункте программы меры по реорганизации запасных сельских магазинов и складочных депо (л. 54—58).

Существенным моментом в программе М. М. Философова являлся вопрос о сословной иерархии, которому он посвятил 7-й пункт. В существующем положении М. М. Философов находил «некоторую запутанность»: дворянин вступал в чуждое ему звание и права купца; купец приобретал не только права и преимущества дворянина, но и чин военной гражданской службы; свободные хлебопашцы «расторгали» единое звание крестьян. Находя такое положение недопустимым, так как оно вводит «в неустройство» другие звания, терявшие от этого «свой вес и достоинство», М. М. Философов рекомендовал «все звания граждан

содержать в пределах их прав и принадлежностей с присвоением каждому в полной мере приличных в обществе почестей и выгод», чтобы ни одно звание не «выступало из черты своей и не вторгалось в принадлежность другого». С другой стороны, М. М. Философов настаивал на «полной свободе каждому переходить из одного звания в другое», ограничивая этот переход «законным образом», под которым подразумевал путь службы и заслуг перед отечеством (л. 60 об.—67). Распространялось ли такое право на помещичьих крестьян? М. М. Философов прямо нигде не коснулся этого существенного вопроса. По всей видимости, он и не вставал перед ним. Провозгласить принцип свободы выбора социального положения в условиях феодально-крепостнической системы означало либо очень ограниченное толкование этой свободы, либо отрицание крепостного права вообще. М. М. Философов, уже заявивший себя сторонником крепостной зависимости, и здесь остается таковым. Он предлагает «сделать положения, которые заменить могут и ныне существующие у нас правила, с некоторыми только поправками или объяснениями для лучшего усовершенствования». Т. е., по-видимому, несмотря на широковещательные декларации, предложения М. М. Философова не шли дальше некоторого уточнения феодально-крепостнического законодательства, упорядочения сословной иерархии, устранения наиболее вопиющих проявлений деспотизма и произвола.

В последнем, 9-м пункте своего «Мнения» М. М. Философов уделит также внимание национальному вопросу. Он считал, что «союз граждан одного Отечества» может быть прочен лишь в том случае, если все составляющие его народы «нераздельное будут иметь право на попечительность правительства». Поэтому М. М. Философов призвал «сравнять их управление с основанием государственного в России правления, поставит оное, сколько можно, в теснейшую связь с сим и преподать им такие выгоды и способы, чтобы сим разнородные граждане слились, наконец, в один народ» (л. 77 об.—79 об.).

Итак, считая необходимым сохранить и укрепить крепостное право, М. М. Философов вместе с тем предлагал удалить из крепостных отношений наиболее вопиющие рабовладельческие элементы — прикрепить крестьян не к помещикам, но к земле, наделив их ею безвозмездно за счет незаселенных и помещичьих земель, запретить продажу крестьян без земли и земель без крестьян, несколько регламентировать крестьянский труд. Облегчение рекрутской повинности, уменьшение налогового гнета, улучшение снабжения населения предметами первой необходимости — все эти наиболее существенные предложения М. М. Философова должны были поднять материальный уровень податных сословий, сгладить остроту классовых противоречий, предотвратить угрозу революционного взрыва.

Такова программа М. М. Философова. Несмотря на выпады против заимствований западноевропейских теорий, в основу ее была положена идея о «непременных правилах» или, другими

словами, об основных законах, на которых должна покоиться монархическая власть. Эта идея восходила к теории «правильной» или «истинной монархии», одной из наиболее широко распространенных в эпоху Просвещения концепций, сформулированной Ш. Л. Монтескье.²¹

Во второй половине XVIII в. идея о неперемennых государственных законах, взятая, как правило, в отрыве от конституционной теории Монтескье, пользовалась большим кредитом в правящих верхах России. Еще елизаветинский фаворит И. И. Шувалов подготовил для Елизаветы проект фундаментальных законов.²² Екатерина II подготовила проект десяти коренных статей, за нарушение которых предполагалась смертная казнь.²³ Н. И. Панин, воспитатель будущего монарха Павла, глава своеобразного оппозиционного кружка, завещал цесаревичу идею неперемennых государственных законов, и наследник не был чужд этой идеи.²⁴ Канцлер А. А. Безбородко по заказу великого князя Александра написал для оппозиционного великокняжеского кружка «Записку для составления законов российских»²⁵ — политическое завещание, воплотившее теорию Монтескье. Своеобразным итогом этих идейных исканий XVIII в. явился проект «Грамоты, российскому народу жалуемой» — хартии, перечислявшей фундаментальные законы страны, которые Александр I намеревался опубликовать в день своей коронации.²⁶

Известно, что М. М. Философов в 1764—1765 гг. часто бывал в доме Н. И. Панина,²⁷ который в свою очередь и М. М. Философову наносил визиты.²⁸ Оказавшись среди посетителей оппозиционного кружка, М. М. Философов принимал деятельное участие и в тех беседах, которые велись в присутствии цесаревича. Повидимому, тесное общение с членами кружка братьев Паниных не прошло бесследно для М. М. Философова, так как его программа носит на себе определенный отпечаток идей Н. И. Панина. Насколько можно судить по дневнику одного из воспитателей Павла, беседы в кружке затрагивали самые различные вопросы, но преимущественно были посвящены проблемам государственного управления.²⁹ Н. И. Панин предлагал цесаревичу «связать всех подданных с государем неразрывным узлом утвержденных государственных прав и формы правления, не подверженном их

²¹ Монтескье Ш. Л. О духе законов. — Избранные произведения в двух томах. М., 1956, т. 1, с. 175—177.

²² Бумаги И. И. Шувалова. — Русский архив, 1867, стб. 82—85.

²³ О рассмотрении секретных рукописей Эрмитажа. — ЦГАДА, ф. 6, № 581, л. 58 об.—60.

²⁴ Наказ. — Вестник Европы, 1867, т. 1, с. 316—322.

²⁵ Записка князя А. А. Безбородко о потребностях империи российской. — Русский архив, 1877, кн. 1, с. 297—300.

²⁶ Грамота, российскому народу жалуемая. — В кн.: Семенов В. П. Радищев. М.; Пг., 1923, с. 180—194.

²⁷ Записки Порошина, стб. 10—11, 150—151, 194, 251, 278, 290, 313, 332, 406, 440, 548, 558.

²⁸ Там же, стб. 322.

²⁹ Там же, стб. 158, 313—319, 399, 515—516.

переменам и отрешением никакому самовластью». ³⁰ Он убеждал наследника в том, что монарх не может в полной мере осуществить свою самодержавную власть, «иначе как постановя в государстве своим правилами непреложные основные, основанные на благе общем, и которых не мог бы нарушить сам». ³¹ По сути дела ту же задачу предложил и М. М. Философов, когда призвал членов Государственного совета «приступить к уложению непрременных правил, как утвердить составные части государственного тела и обеспечить навсегда от всякого потрясения, совокупя в прочное, непоколебимое никем и никогда соединение..., дабы сделать оное незыблемым навеки» (л. 14—15 об.).

Фундаментальные законы братьев Паниных, насколько можно судить по сохранившемуся наброску, должны были охватить весь «состав государственный». Предполагалось, что они будут заключать в себе государственное устройство, порядок престолонаследия, форму судопроизводства, религиозную организацию, права всех сословий, отношения собственности, семейные взаимоотношения, порядок наложения податей, устройство оборонительных сил, определение суммы на содержание войска и др. Особый пункт должен был фиксировать взаимоотношения помещиков и крестьян. ³² «Непременные правила» М. М. Философова охватывают гораздо более узкий круг вопросов — ведь в них нашли отражение только наиболее значимые, с его точки зрения, предметы. Но определенное сходство с панинскими идеями налицо. Однако фундаментальные законы М. М. Философова совершенно не касаются такого важного предмета, как государственное устройство. «Непременные правила» М. М. Философова, несмотря на его категорические заявления о приверженности идее самодержавия, по своему объективному содержанию заключали в себе некоторое ограничение или, точнее говоря, стеснение самодержавной власти, так как они изымали из непосредственной компетенции монарха целый ряд важных вопросов, в решении которых монарх не мог действовать по произволу или прихоти, если неприкосновенность «непременных правил» была бы гарантирована. Но именно этот существенный момент не нашел никакого отражения в записке М. М. Философова. Он ни словом не обмолвился о том, как будет обеспечена «непременность» его «правил», без чего они превратились бы в фикцию. Не ограничить произвол монарха, а предотвратить выступления народных масс против существующего режима — такова руководящая идея «непремен-

³⁰ Письмо к наследнику престола для поднесения при законном вступлении его на престол. — В кн.: Шумигорский Е. С. Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907, Приложение, с. 21.

³¹ Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина рассуждение о непрменных государственных законах. — Там же, с. 4—13.

³² Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ними рассуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, непрменяемые на все времена никакою властью. — Там же, с. 13—20.

ных правил» М. М. Философова. В этом их главное отличие от панинских проектов, направленных прежде всего против самовластья и произвола царя. Хотя теория «истинной монархии» по своему объективному содержанию носила прогрессивный, антифеодальный характер, но в построениях М. М. Философова она должна была служить сохранению и укреплению феодализма. Основная идея М. М. Философова состояла в том, чтобы очистить крепостничество от разлагающих его элементов, предохранить феодальные отношения от всякой возможности их буржуазного преобразования и с помощью «непременных правил» увековечить всю феодально-крепостническую систему самодержавной России. И именно эта попытка М. М. Философова перенести акцент на разрешение самого острого в начале XIX в. — крестьянского — вопроса ставит его «непременные правила» на особое место среди всех проектов фундаментальных законов второй половины XVIII в., призванных приспособить французскую антифеодальную теорию Монтескье к нуждам российского феодально-крепостнического государства. С этой точки зрения программа М. М. Философова представляет не меньший интерес для историков внутренней политики начала XIX в., нежели для исследователей общественно-политической мысли того времени.

Л. А. БУЛГАКОВА

МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТОВ ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Источниковедческая литература о мемуарах огромна, и каждый год приносит все новые исследования. В последнее двадцатилетие интерес к мемуарам заметно возрос, что вызвано усилившимся вниманием к социально-психологическим проблемам, к исторической личности. Начавшееся в 1976 г. издание фундаментального библиографического указателя «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под редакцией проф. П. А. Зайончковского несомненно способствует привлечению к мемуарам еще большего внимания.

Благодаря мемуарам мы получаем уникальную возможность увидеть прошлое изнутри — глазами живших тогда людей, окунуться в мир их откипевших уже страстей, подышать воздухом другой эпохи, хоть на мгновение почувствовать себя очевидцами давно минувших событий, современниками давно ушедших людей. Какой исторический роман может соперничать с этими драгоценными свидетельствами, свободными от осовременивания и не приукрашенными буйной писательской фантазией! Самый скромный подлинник лучше самого красивого музейного муляжа. Нам интересна даже неизбежная, ставшая притчей во языцех субъективность мемуаристов.